

Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского
Серия «Филологические науки». Том 15 (54). 2002 г. №4. С. 132–142.

УДК 801.558

Н. Н. Вовк

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Характерной чертой лингвистики конца 20 века является ее обращенность к человеку — рассмотрение языка как явления социального и языкознания как науки общественной. “Социальность присуща природе языка. В определенном смысле можно сказать, что вне социальности нет языка” [5, с. 14].

Изучение человеческого фактора в языке существенно изменило и взгляд на грамматику. Как метко заметил по этому поводу Б. А. Серебренников: “Ведь сама структура языка мертва и недвижима. Ее приводит в движение человек” [15, с. 44]. Язык же существует ради коммуникации и, с этой точки зрения, грамматика как часть филологии — “это не свод парадигм, правил и запретов, а ключ к строю языка, к строю текстов, к строю человеческой мысли” [7, с. 108].

Традиционная грамматика полагает, что за одной грамматической формой закреплено одно грамматическое значение. Однако данные, полученные на основе этого утверждения, часто вступают в противоречие с фактами языка, “ведь изучать в языке форму без содержания — все равно, что представить море без воды” [7, с. 107]. Поэтому все чаще лингвисты обращаются к функциональной грамматике, в соответствии с подходами которой изучение и описание языковых фактов осуществляется в направлении от значения к форме (А. В. Бондарко. Функциональная грамматика) или от формы к значению, что свидетельствует о многозначности грамматической формы (О. М. Соколов. Имплицитная морфология русского глагола).

Функционально-коммуникативная грамматика “обращена к физиологии языка, его жизнедеятельности” [16, с. 246]. Текст становится основным объектом изучения. И это позволяет по-новому представить все категории и элементы языка как части целого, предназначенные служить тексту.

В связи с новым подходом перед лингвистами возникает масса сложнейших вопросов, требующих разрешения. Как отметила Е. А. Попова: “Чем больше человек узнает о языке, тем больше возникает вопросов, а иногда под сомнение ставится то, что до определенного времени считалось бесспорным” [13, с. 72]. Так, одной из важнейших задач современной науки о языке является изучение функционирования грамматических категорий — их значений и возможностей.

С этой точки зрения особый интерес представляет собой область функциональных отношений в системе русского глагола. Здесь внимание исследователей

привлекают функциональные особенности различных глагольных категорий, таких, как вид, залог, наклонение, время, которые изменяют свойства в высказывании (см. работы Ю. С. Маслова, А. В. Бондарко, Г. А. Золотовой, А. М. Ломова, Е. В. Падучевой, О. М. Соколова и др.). Однако, несмотря на обширную литературу, названные категории остаются недостаточно изученными.

И, пожалуй, одну из самых неоднозначных трактовок имеет категория времени неспрягаемых глагольных форм, в частности причастий.

В Русской грамматике (РГ-80) причастия определяются как атрибутивные формы глагола [14, с. 196].

В причастии совмещаются свойства глагола и прилагательного.

По определению В. В. Виноградова, глагольность выражается в причастии как “окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного” [4, с. 221]. “Грамматически глагольность причастий в ряде языков проявляется в наличии категории залога, вида, времени, в сохранении моделей управления и примыкания.

Причастия могут выражать также значение таксиса (одновременность или предшествование обозначаемого ими признака по отношению к действию, выраженному сказуемым)” [22, с. 399].

Свойства прилагательного у причастия проявляются в наличии в ряде языков согласованных категорий рода, числа, падежа. Как и прилагательное, причастие выполняет синтаксические функции определения. *Все сильней биенье крови в теле, раненном тоской (Ахматова)*. Или, реже, именной части сказуемого *Она вышла из бассейна свежая, холодная и благоухающая, покрытая дрожащими каплями воды (Куприн)*.

Не будучи личными формами глагола, причастия не могут выражать тех категорий, которые теснейшим образом связаны с предикацией, в частности категорий наклонения и лица. Тем не менее, причастия, как и спрягаемые глагольные формы, способны выражать значение времени.

Исследователи отмечают, что время причастия имеет особую природу (см. работы С. И. Соболевского, А. А. Потемни, Е. И. Истриной, П. С. Кузнецова, И. А. Краснова, Л. П. Калакуцкой, Л. Л. Буланина, Д. Н. Шмелева, Р. З. Мурясова, Е. Ю. Карпенко и др.).

Прежде всего, как уже было отмечено, время причастий не имеет отношения к наклонению.

Причастия не обладают способностью спрягаемых глагольных форм образовывать предикативную синтагму.

Что касается отношения времени причастий к моменту речи, то мнения по поводу характера времени причастных форм разделились.

Так, А. Н. Гвоздев, Ф. К. Гужва, Н. С. Валгина, Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов считают, что причастия выражают и абсолютное, и относительное время. “Причастные формы входят в два типа временных противопоставлений: находясь в оппозиции друг с другом, они обозначают абсолютное время, вступая в соотношение с личными формами глагола, они выражают относительное время” [20, с. 220].

Ф. И. Буслаев, Е. Кржижкова, Л. Л. Буланин, Л. П. Калакуцкая, Р. З. Му-рясов утверждают, что причастия выражают лишь относительное время, то есть время причастного признака “соотносительно со временем главного (основного) действия предложения, выраженного в спрягаемой глагольной форме” [10, с. 13].

Мы придерживаемся первой точки зрения. Абсолютное время проявляется в причастных формах, употребленных изолированно или в словосочетаниях, вне соотношения с предикатом предложения (*земля, вращающаяся вокруг своей оси; кричавший ребенок*). Если в условиях контекста время причастия ориентируется на время глагола-сказуемого, то мы имеем дело с относительным значением времени (*Я вижу художника, рисующего картину*).

На наш взгляд, особый интерес представляют наблюдения над относительным значением времени причастий, так как это позволяет сосредоточить внимание на том, в какой функциональной зависимости находится временная форма от контекста.

Мы рассматриваем только обособленные причастия, потому что, как заметил А. В. Исаченко, “в современном языке именно обособленное употребление причастий является преобладающей, основной функцией причастий в составе высказывания” [9, с. 541].

В отличие от спрягаемых форм глагола, которые имеют три морфологически выраженных времени: настоящее, прошедшее и будущее, причастие может быть охарактеризовано наличием только двух форм времени (настоящего и прошедшего).

“Причастия совершенного вида (далее — СВ) могут образовывать только форму прошедшего времени, причастия несовершенного вида (далее — НСВ) имеют формы как прошедшего времени, так и настоящего времени” [14, с. 197], поэтому мы полагаем, что более полное исследование функциональных значений времени причастий может быть проведено на материале действительных причастий НСВ.

В традиционной лингвистической литературе отмечены следующие разновидности временных значений, которые причастия реализуют в контексте: “причастия настоящего времени (они всегда НСВ) означают одновременность по отношению к основному для них действию, причастия прошедшего времени НСВ обычно выражают одновременность в плане прошлого, наконец причастия прошедшего времени СВ выражают предшествование другому действию” [3, с. 157-158]. Современные лингвисты придерживаются иного мнения, мотивируя это тем, что “членение временного континуума с помощью фиксированной точки отсчета, как в однолинейной морфологической парадигме *писал — пишу — буду писать*, не соответствует возможностям оперирования формами глагольного времени в реальной речи” [8, с. 11].

Так, еще С. И. Соболевский указывал, что причастие прошедшего времени НСВ при управляющем глаголе прошедшего времени может указывать не только на действие, современное его действию (наряду с причастием настоящего времени), но и “на действие, предшествующее моменту речи говорящего, к какому

бы времени ни относилось действие управляющего глагола...” [17, с. 323-324].

Как отмечает Л. П. Калакуцкая, “если отвлечься от того, что С. И. Соболевский соотносит действие причастия в одном случае с действием глагола, а в другом — с моментом речи, то можно из всего сказанного вывести два значения времени у причастий НВС:

1. Действие причастий НВС прошедшего времени предшествует действию спрягаемых форм глагола в любом времени

2. Действие этих причастий одновременно действию спрягаемых форм глагола прошедшего времени” [10, с. 110].

Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что соотношения времени действительных причастий прошедшего времени НСВ и спрягаемых форм глагола более разнообразны, чем это представлено в традиционной лингвистической литературе.

Наши наблюдения позволили выделить следующие разновидности временных оттенков, которые приобретают причастия НСВ прошедшего времени при глаголе-сказуемом НСВ прошедшего времени в контексте:

А) одновременность основного и сопровождающего действия в прошлом

Девушки, сидевшие (НСВ прош.) у стен на длинных лавках, пели (НСВ прош.) грустные песни (М. Алексеев).

Б) частичная одновременность основного и сопровождающего действия

— А вот и Вишенка наша объявилась! — приветствовал (НСВ прош.) ее дед, забавлявший (НСВ прош.) детей в горнице и, очевидно, страшно скучавший (НСВ прош.) без мужицких сходок (М. Алексеев).

В) предшествование сопровождающего действия-главному

Здесь Селиванов, всегда шедший (НСВ прош.) молча, радостно произносил (НСВ прош.)... (Л. Бородин).

Г) следование сопровождающего действия-главному

И все ему думалось, что вот сейчас появится там Улька и, как бывало, приветливо улыбнется ему.

Появлялась (НСВ прош.), однако, тихая беленькая Пиада, приносившая (НСВ прош.) мужу еду (М. Алексеев).

Таким образом, относительные значения временных форм причастий НСВ прошедшего времени могут выражать не только одновременность (полную или частичную) и предшествование по отношению к основному действию, но и следование.

Такие факты определили цель нашей работы — исследовать функциональные значения времени действительных причастий прошедшего времени НСВ и выяснить, что влияет на характер временных отношений между причастием и глаголом-сказуемым.

В данной работе мы рассмотрим контексты, когда:

Глагол-сказуемое и причастие выражены формой НСВ прошедшего времени.

При таком соотношении наблюдаются следующие разновидности временных оттенков:

а) Время причастия имеет значение одновременности основного и сопровождающего действия в прошлом.

И сейчас, сидя в полутемном будуаре, она повествовала об индусском принципе... Глаза дам, слушавших предложение принца, сверкали не хуже драгоценностей принца (Н. Федорова).

Мама, доившая корову, слышала, как устраивались, возились, тесня друг дружку, молодые ласточки где-то там вверху, — гнездо было для них уже тесным (М. Алексеев).

Пегая лошадка живо катила вниз с горки. Любопытно, что лошадью правила баба, сидевшая в передке (Л. Бородин).

Во всех представленных примерах наблюдаем полное совпадение во времени действий причастия и глагола-сказуемого. Так, глаза дам сверкали не хуже драгоценностей в то время, когда они слушали предложение принца; мама слышала, как устраиваются ласточки в то время, когда доила корову; лошадью правила баба в то время, когда сидела в передке.

Причастия находятся в тесной взаимосвязи с действиями глагола-сказуемого, так как обозначают признак, “характеризующий субъект в момент проявления признака, названного в сказуемом” [14, с. 197].

Это дает основание говорить об одновременности протекания действий сказуемого и причастия.

Кроме того, действие причастия характеризуется как одновременное по отношению к действию глагола, если причастие выражает признак, широко локализованный во времени, а время сказуемого характеризуется как “прошедшее постоянного действия” [2, с. 82].

Это был человек ни хороший, ни плохой, ни умный, ни глупый, совсем не имевший ни понимания положения, ни способностей справиться с ним (В. Липатов).

Причастие обозначает признак, “постоянно присущий субъекту” [14, с. 197]. На характер признака, выражаемого причастием, в данном случае влияет семантика его глагольной основы. Следует отметить, что причастия, выражающие признак, “широко локализованный во времени или вневременной — не локализованный во времени” [11, с. 100], чаще всего образуются от глаголов “состояния”, “отношения” [21], а также “эволютивных глаголов” (А. В. Бондарко).

Как известно, НСВ глагола-сказуемого при выражении значения “прошедшего времени постоянного действия” выступает в “постоянно-непрерывном значении” [2, с. 17]. Это значение также чаще всего характерно для глаголов “состояния”, “отношения”, а так же “эволютивных”.

Интересны в этом плане глаголы “состояния” со значением “положение в определенном пространстве”. Одним из компонентов семантики таких глаголов является значение бытия-существования. Как отмечают авторы учебника “Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация” В. В. Бабайцева и Л. Ю. Максимов: “компонент бытия обуславливает взаимозаменяемость таких глаголов” [1, с. 89]. В частности, такие глаголы можно заменить глаголом “быть”...

Например,

...водились медведи — были медведи...

Некогда в соседних с Боговизной лесах **водились** медведи, немало **досаждавшие** жителям окрестных селений (М. Алексеев).

...лежал мрак — был мрак...

Поодаль же, под соснами, лежал непроницаемый мрак, широкой тенью достигший кладбищенского края над выгоном (М. Алексеев).

Наши наблюдения показали, что при глаголе-сказуемом, время которого характеризуется как “прошедшее постоянного действия”, причастия, образованные от глаголов конкретного действия, также способны выражать признак, имеющий вневременной характер.

Это было хорошее письмо, в дружеском тоне, уведомлявшее ее, что он развелся с ней и женился на другой женщине (Н. Федорова).

Причастие “уведомлявшее” образовано от глагола “общерезультативного способа действия” (А. В. Бондарко), однако момент направленности на результат ослабляется под влиянием контекста. Внимание сосредоточено на наличии действия (констатации факта), как бы отодвигая его цель. В данном случае “общерезультативные” глаголы “приближаются по своей семантике к эволютивным” [2, с. 30].

Однако это лишь потенциальная возможность актуализации у причастия атрибутивных свойств, а реализуется она или нет, зависит от контекста и речевой ситуации.

Данное утверждение можно проиллюстрировать следующими примерами:

Деревушка, где она очутилась, находилась в двух шагах от города; их связывала хорошая шоссе́нная дорога, а границей стояли корпуса небольшой фабрики, изготовлявшей местную майоликовую плитку (Д. Гуцина).

Лида не была избалована ни друзьями, ни подарками. Как и Петя, она была одинока. Английские девочки, плававшие в одном с ней пруду, были так же далеки, как и Петины футбольные товарищи. Они не приглашали Лиду к себе, и Лиде не решалась приглашать их в №11, так как никогда английская девочка не войдет в русский дом (Н. Федорова).

Здесь действия причастия и сказуемого одновременны. Время сказуемого характеризуется как “прошедшее постоянного действия”, а причастие выражает признак, широко локализованный во времени, хотя его глагольная основа имеет значение конкретного действия.

В данной речевой ситуации действие, выраженное причастием, предстает как постоянное занятие субъекта, например “плававшие” (то есть регулярно занимавшиеся плаванием), или его основная функция, например “изготавливавшей” (то есть специально предназначенной для изготовления), что отличает субъект от других ему подобных.

Такие примеры служат еще одним убедительным доказательством того, что в семантико-грамматической природе глагольного слова заложена способность представлять события “то как актуальные действия, наблюдаемые в хронотопе происходящего, то на разных ступенях обобщения — как занятия, как свой-

ства и качества его носителя” [7, с. 401] в соответствии с различными потребностями языковой стилизации.

Таким образом, можно сделать вывод, что значение полной одновременности действия сказуемого и причастия НСВ в прошлом зависит:

- 1) от характера признака, выражаемого причастием;
 - 2) от взаимодействия частного значения прошедшего времени глагола-сказуемого и семантики причастия;
 - 3) от контекста, окружающего данную неспрягаемую форму.
- б) Рассмотрим примеры, когда время действия причастия лишь частично совпадает со временем действия сказуемого.

Свои, домашние птички, жившие в двух-трех гнездах под крышей над балконом, чирикали успокоительно, радостно (Н. Федорова).

Карюха, знавшая все лесные дороги и просеки, и особенно хорошо — Вонючую поляну, где часто паслась, не нуждалась в возжсах, чтобы почти вслепую доставлять порубищиков куда нужно (М. Алексеев).

Учительница, имевшая средства для жизни, предлагала свой труд бесплатно (Н. Федорова).

Эти примеры демонстрируют особенности проявления одной из основных функций причастных оборотов в составе высказывания — причастия “сообщают о статических признаках субъектов и в темпоральном отношении составляют фон к сюжетным действиям” [6, с. 31]. Можно сказать, что причастия обозначают “признак, постоянно присущий субъекту” [14, с. 197], тогда как действие глагола-сказуемого возникает в какой-то момент проявления этого признака и далее развивается параллельно с ним.

Действительные причастия НСВ прошедшего времени в данном случае являются, по существу, обладателями вневременного признака.

Следовательно, значение частичной одновременности действия сказуемого и причастия НСВ прошедшего времени зависит от характера признака, выражаемого причастием.

в) Действие причастия предшествует во времени действию спрягаемой формы глагола.

Значение предшествования сопровождающего действия главному может быть подчеркнуто наличием лексических детерминантов (обстоятельств времени), определяющих порядок совершения действий (*прежде, доселе, теперь, раньше*).

Дима, никогда прежде ничего не покупавший, теперь наслаждался прелестью наличных денег (Н. Федорова).

В ней вдруг стихийно поднималась какая-то грозная, доселе дремавшая сила (Н. Федорова).

Значение предшествования сопровождающего действия главному может также “наводиться” окружающим контекстом.

Он понял, почему не спешил в тайгу, почему лишь косился с крыльца в ту сторону... **Не уверен он был** в себе, в ногах, в руках, столько лет ружья не державших, в глазах — кто знает, какое зрение его нынче, не проверялся ведь (Л. Бородин).

В данном случае можно говорить об особенностях категориальной семантики НСВ. Как известно, НСВ легко сочетается как с признаком временной локализованности, так и с признаком нелокализованности и выявляет нейтральное отношение к их различению. В данном случае признак, выражаемый причастием, имеет временной характер, то есть признак-действие причастия локализовано во времени. НСВ причастия здесь выполняет функцию, присущую СВ (речь идет о “перфективной функции” (Коммуникативная грамматика, 1998). Причастие выражает “констатируемые перцептором происшедшие изменения” [8, с. 13], а сказуемое выражает действие, которое является результатом этих изменений. Следовательно, причастия НСВ, как и причастия СВ, в процессе функционирования способны выражать “действие..., результат которого относится ко времени, выраженному глаголом” [18, с. 307].

Таким образом, временные значения предшествования сопровождающего действия главному зависят:

- 1) от дополнительного значения, вносимого в предложение лексическими детерминантами;
- 2) от влияния окружающего контекста.

г) Действие причастия имеет значение следования во времени действию спрягаемой формы глагола.

Исследуя грамматическую категорию таксиса, О. М. Соколов отметил, что “в русском языке специальные формы, фиксирующие последовательность совершаемых во времени событий, в основном утрачены» [19, с. 65]. На этот же факт указывает и И. Г. Милославский: “в русском языке отсутствуют формы Plusquamperfekt и Futurum exactum, определяющие временную последовательность действий” [12, с. 133].

Действительно, границы времени в русском языке весьма подвижны и, как заметил О. М. Соколов, “связаны с субъективным восприятием действительности” [19, с. 63]. Однако язык обладает специально организованными средствами, способными обеспечить понимание временной последовательности действий в пределах одного предложения.

Так, наши наблюдения показали, что в процессе функционирования под влиянием окружающего контекста и зависимых от неспрягаемой формы слов действительные причастия НСВ прошедшего времени при глаголе-сказуемом НСВ прошедшего времени способны выражать значения таксиса следования.

Например,

Там, вдали, возникали большие серые птицы, сливавшиеся затем с полем и невидимые для детского неопытного глаза (В. Солоухин).

...птицы сначала возникали, а затем сливались с полем...

*Воск, произведенный на нашей воскобойне, шел, наверное, на церковные свечи, жарко **пылавшие потом** во время литургий и всеобщих бдений...* (В. Со-лоухин)

...свечи сначала изготовлялись, а потом пылали во время литургий...

Временная последовательность становится очевидной благодаря наличию в предложении наречий (*затем, потом*). Причастие обозначает признак, следующий за признаком, названным в сказуемом.

Выявление данного временного значения у причастий служит подтверждением гипотезы И. Г. Милославского, положенной в основу описания активной грамматики русского языка ("Краткая практическая грамматика", 1987). Речь идет о добавлении в процессе порождения текста с заданными семантико-коммуникативными параметрами "различного рода модификационных характеристик, связанных с уточнением свойств предмета или лица, обозначением времени, модальности, кратности, результативности и других характеристик действия..." [12, с. 131].

По утверждению И. Г. Милославского, "в русском языке, лишенном принудительного обозначения последовательности действий... существует набор разнообразных средств, способных передать такие модификационные значения. Это не только наречия *сначала, затем, после, в конце концов*, но и союзы *после того как, прежде чем*, предлоги *до и после*, легко вступающие в связь с отглагольными синтаксическими дериватами" [12, с. 134].

Следовательно, можно предположить, что на определение характера временного значения главного и сопровождающего действий в контексте чаще всего оказывают влияние лексические детерминанты. И в речевом употреблении именно под влиянием лексических детерминантов (обстоятельств времени) причастия НСВ прошедшего времени способны выражать значения таксиса следования.

Таким образом, рассмотрев особенности функционирования обособленных причастий НСВ прошедшего времени в составе высказывания, мы выяснили, что форма прошедшего времени данных атрибутивных форм неоднозначна и способна наполняться различным, порой несвойственным ей содержанием.

Наши наблюдения показали, что значения времени, которые эти формы способны выражать в контексте, значительно шире, чем это представлено в традиционной лингвистической литературе.

Так, в процессе функционирования при глаголах НСВ прошедшего времени причастия НСВ прошедшего времени могут обозначать:

- а) полное совпадение действий причастия и глагола-сказуемого;
- б) частичное совпадение действий;
- в) предшествование во времени действию глагола-сказуемого, в том числе предшествование действия, результат которого актуален для временного плана сказуемого;
- г) следование во времени действию сказуемого.

Характер временных отношений между причастием и глаголом-сказуемым

зависит:

- 1) от семантики глагольной основы причастия;
- 2) от характера признака, выражаемого причастием — временном (локализованном во времени) или вневременном (широко или вообще не локализованном во времени);
- 3) от дополнительного значения, вносимого в предложение зависимыми от причастия словами, связанными с обозначением времени (лексическими детерминантами);
- 4) от контекста.

Причастия НСВ прошедшего времени под влиянием контекста и лексических детерминантов способны выражать временные значения предшествования и следования.

Также под влиянием перечисленных факторов грамматические возможности причастий НСВ позволяют им выполнять в контексте функции, которые в других условиях выполняются причастиями СВ.

Литература

1. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык. Синтаксис. Пунктуация. — М.: Просвещение, 1981.
2. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. — М., 1971.
3. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. — М.: Просвещение, 1976.
4. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. — М., 1986.
5. Дешериев Ю. Д. Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка. — М., 1988.
6. Золотова Г. А. Онипенко Н. К. Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
7. Золотова Г. А. Грамматика как наука о человеке // Русский язык (в научном освещении). — 2001. — № 1. — С 107-113.
8. Золотова Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. — 2002. — №3. — С 6-19.
9. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. — Братислава.: Изд-во Словацкой АН, 1960.
10. Калакуцкая Л. П. Адъективация причастий в современном русском литературном языке. — М.: Наука, 1971.
11. Карпенко Е. Ю. Семантика качественности препозитивного причастия / Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы конференции. Ялта 1-6 октября 2001 г. — Симферополь, 2001. — С. 100-101.
12. Милославский И. Г. Какие смыслы и какие комбинации смыслов легко выразить на русском языке, а какие трудно? (К вопросу о типологических семантических характеристиках русского языка) // Традиционное и новое в русской грамматике. — М.: Индрик, 2001. — С. 131-141.
13. Попова Е. А. Человек как основополагающая величина современного

языкознания // Филологические науки. — 2002. — №3. — С. 69-77.

14. Русская грамматика. — М.: Наука, 1980.

15. Серебренников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М.: Наука, 1983.

16. Сидельников В. П. Современное видение грамматики // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть: Материалы конференции. Ялта 1 — 6 октября 2001 г. — Симферополь, 2001. — С. 245-246.

17. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Ч. I. Морфология и синтаксис. — изд. 3. — М., 1948.

18. Современный русский язык. Морфология. — М.: Изд-во МГУ, 1952.

19. Соколов О. М. ИмPLICITная морфология русского глагола: Морфемика. — М.: Изд-во УДН, 1991.

20. Шанский Н. М., Тихонов А. Н. Современный русский язык. — М.: Просвещение, 1981.

21. Лексико-семантические группы русских глаголов: Словарь-справочник. — Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1988.

22. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Наука, 1990.

Поступило в редакцию 17. 09. 2002